
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
ФАКТОР
В ЯЗЫКЕ

•

КОММУНИКАЦИЯ,
МОДАЛЬНОСТЬ,
ДЕЙКСИС

Местоимения как дейктическое средство

0. Данное исследование посвящено местоимениям как основному средству кодирования личного/предметного дейксиса. Местоимения обычно рассматриваются как дейктическое средство par excellence. При этом часто упускается из виду, что к дейксису имеют отношение не все виды местоимений. Данная интерпретационная ошибка связана с особым положением местоимений в традиционной классификации частей речи. Как известно, эта классификация сама по себе неоднородна в том смысле, что разные классы слов выделяются в ней по разным основаниям. Однако с местоимениями сопряжены особенно серьезные трудности. В отношении местоимений оказываются более или менее несостоятельными все критерии: семантические, синтаксические, морфологические, — используемые для выделения других частей речи. Если даже ограничиться местоимениями европейского типа, легко видеть, что они в значительной степени сближаются с существительными либо прилагательными с точки зрения морфологических и синтаксических свойств, но сильно

отличаются от обычных имен семантически. При этом местоимениям всех традиционно выделяемых разрядов невозможно приписать никакого инвариантного семантического признака. Попытки найти такой необходимый и достаточный признак делались неоднократно, причем для этой роли обычно предлагается признак "шифтерности" или "дейктичности". Однако если, например, личные и указательные местоимения — действительно шифтеры и имеют исходно дейктическую функцию, то кванторные адъективные местоимения типа *все* или определительные типа *самый* ничего общего с шифтерами и дейксисом не имеют (т.е. имеют не больше, чем обычные прилагательные). Ср. предложение Е.В. Падучевой определить инвариантное значение местоимений на основе дизъюнкции двух фактически не связанных признаков — отсылки к акту речи и указания на денотативный статус [Падучева, 1985, 133].

Мы рассмотрим только местоимения, прямо или косвенно связанные с дейксисом; более того, мы ограничимся лишь одним — правда, центральным и чаще всего привлекающим внимание — разрядом местоимений, а именно личными местоимениями. Ниже в тех случаях, где не оговорено обратное, под "местоимением" понимается "личное местоимение".

В последние десятилетия местоимения — один из центральных объектов исследования теоретической лингвистики и типологии. Представляется, что этот факт не случаен. Дейксис играет существенную роль в когнитивной системе и в языке. Поскольку все основные виды дейксиса могут манифестироваться местоимениями и, наоборот, местоимения функционируют в первую очередь как средство кодирования дейксиса, очевидно, что местоимения должны занимать центральное место в структуре языка. Эта гипотеза имеет множество косвенных эмпирических подтверждений: характер местоименной системы и функционирование местоимений в любом языке тесно связаны с важнейшими характеристиками данного языка. Так, работы 80-х годов по языкам с морфологически связанными местоимениями вынуждают решительно пересмотреть традиционные взгляды на такие фундаментальные грамматические понятия, как согласование, управление, предикация, базисный порядок слов и др. (об этом см. ниже).

Ниже (пп. 1—6) затрагивается ряд крупных проблем, связанных с теорией и типологией местоимений и наиболее актуальных в контексте современной лингвистики. К числу этих проблем принадлежат: 1) универсальные категории личных местоимений; 2) функциональные типы употребления местоимений: дейксис и анафора; 3) анафорические местоимения и их употребление; 4) местоимения в ряду других лексико-грамматических средств референции; 5) местоимение и граница слова; 6) местоимения и склеивающиеся с ними категории (падеж, вид/время, модальность и др.). Часть этих проблем относится к традиционным сферам интереса лингвистов; другие же начали активно исследоваться лишь в последнее время, и в ряде случаев результатами этих исследований явились принципиально новые

данные не только о местоимениях как таковых, но и о грамматике, структуре дискурса и языковых универсалиях (особенно это касается проблем 3, 4, 5).

Авторский анализ рассматриваемых нами проблем сочетается с элементами обзора современной литературы по теории и типологии местоимений (главным образом за последние 15 лет).

1. Личные местоимения¹¹ — традиционный ярлык для того класса местоимений, которые можно было бы назвать нейтральными термовыми местоимениями. Личные местоимения в норме кодируют референты-термы (и соответственно по своим морфосинтаксическим свойствам близки к существительным) и при этом не имеют специальных ограничений, связанных с синтаксическими условиями употребления (как, например, у возвратных и относительных местоимений), типом речевого акта (как у вопросительных местоимений), особыми семантическими и референциальными свойствами (как у отрицательных, неопределенных и кванторных субстантивных местоимений) и т.д.

1.1. В сущности, единственное универсальное противопоставление личных местоимений — это лицо. Нужно отметить, что этот термин понимается неоднозначно: 1) "коммуникативное" понимание: лиц всего два в соответствии с двумя ролями участников элементарного коммуникативного акта — 1-е лицо (говорящий) и 2-е лицо (слушающий); так называемое 3-е лицо — не-лицо [Бенвенист, 1974, 262]; 2) "семантическое" понимание (используется применительно к языкам, где есть именной класс людей или категория личности/разумности): лиц три — 1-е, 2-е, а также 3-е — лицо человека, не являющегося ни говорящим, ни слушающим; не-люди, т.е. неразумные существа и предметы, — это не-лица (см., например: [Охотина, Громова, 1983]); 3) "референциальное" понимание: лиц три — 1-е, 2-е, а также 3-е, охватывающее все референты-термы, кроме говорящего и слушающего, независимо от личности/разумности, одушевленности и т.п.

Согласно коммуникативному пониманию в английском языке *he, she, it* не являются личными местоимениями; согласно семантическому пониманию *he* и *she* — 3-е лицо, а *it* — не-лицо; согласно референциальному пониманию *he, she* и *it* в равной степени являются местоимениями 3-го лица. Наиболее приемлемо референциальное понимание, так как оно в отличие от семантического является универсально применимым и в отличие от коммуникативного указывает на существенные сходства между всеми термовыми местоимениями (о различиях см. ниже). Здесь используется лишь референциальное понимание (хотя оно и создает неприятный кон-

¹¹ Уникальным источником сведений по системам личных (и не только личных) местоимений является книга [Pronominal systems, 1986]. В ней собран материал примерно 60 языков разных языковых семей и ареалов, позволяющих уточнить данные более ранних типологических работ К.Е. Майтинской (1969) и Д. Инграма [Universals of human language, 1978, 213—247]. Данный пункт в существенной степени базируется на материале этой книги.

фликт между терминами "личное местоимение" и "категория личности"; последний термин имеет только семантическое понимание).

1.2. В большей части языков существование универсальной трехличной системы и базовое сходство между тремя лицами (их предназначенность для классификации референтов-термов) иконически отображаются в сходстве формального выражения лиц посредством местоимений и личных маркеров. Однако имеются и существенные отличия 3-го лица от 1-го и 2-го. Вслед за Э. Бенвенистом Дж. Лайонз писал о "фундаментальной, неискоренимой разнице" между этими двумя подклассами местоимений: «термин "3-е лицо" определяется негативно по отношению к "1-му лицу" и "2-му лицу"» [Lyons, 1977, 638—639]. Это различие, согласно тому же принципу иконизма, делает формальный параллелизм между 1-м/2-м лицом и 3-м лицом неполным (например, часто бывает, что 3-е лицо выражается нулевыми маркерами в противоположность ненулевым 1-му и 2-му (см.: [Young, Morgan, 1987, 112—113; Van Valin, 1985; Епс, 1986]). В некоторых языках формальная асимметрия между 3-м лицом, с одной стороны, и 1-м и 2-м — с другой, представлена отсутствием специальных средств маркирования 3-го лица. В частности, в качестве местоимений 3-го лица используются указательные местоимения (как в латинском, японском, турецком языках). В таких случаях разумно считать, что 3-е лицо, как и всегда, имеется, а отсутствуют лишь (специальные) местоимения 3-го лица.

Есть языки, где противоположность 1-го и 2-го лица 3-му лицу выражается в омонимии 1-го и 2-го лица. Согласно Дж. Гринбергу, так обстоит дело в языке читимача (туникская группа, Сев. Америка) [Pronominal systems, 1986, xvii—xxi]. То же имеет место в языке навахо (семья на-дене, Сев. Америка) со связанными объектными и свободными местоимениями 1-го и 2-го лица мн. числа [Young, Morgan, 1987, 8, 64, 69]. В некоторых системах более важной оппозицией, нежели участник/не-участник коммуникативного акта, является оппозиция говорящий/не-говорящий. Так, согласно Дж. Гринбергу (см. выше), в некоторых языках нагорья Новой Гвинеи совпадают местоимения 2-го и 3-го лица мн. числа (см. также: [Майтинская, 1969, 143 и след.]).

1.3. Число является почти столь же универсальной категорией личных местоимений, как и лицо [там же, 175—189; Соколовская, 1980]. В языке пираха (семья мура, Бразилия), однако, действует система, не различающая числа. Множественные референты, содержащиеся говорящего или слушающего, выражаются в пираха соположением местоимений: *ti* 'я', *gixai* 'ты', *ti gixai* 'мы (инклюзивное)' [Handbook of Amazonian languages, 1986, 281]. Также нет числовых противопоставлений в языке ашенинка (аравакская семья, Перу), где имеется лишь специальная форма для совместного выражения говорящего и слушающего, а также факультативный маркер множественности, добавляемый к свободным местоимениям [Reed, Payne, 1986]. В языке берик (северопапуйская группа, Новая

Гвинея) [Pronominal systems, 1986, 37—46] оппозиция по числу (ед./мн.) различается только в 1-м лице.

Наряду с достаточно частыми системами двойного и тройного числового противопоставления (ед./мн. и ед./дв./мн.) имеются также системы более экзотические. Так, в языке каяпо (семья же, Бразилия) отмечена оппозиция единственное/паукальное/множественное [там же, 368]. В большинстве австронезийских языков Новой Ирландии (Новая Гвинея) различается кроме ед., дв. и мн. числа еще и тройственное число [Beaumont, 1976]. В одном из этих языков, сурсурунга (группа патпатар), имеется также четверное (четверственное?) число, т.е. различаются пять чисел. Д. Хатчиссон [Pronominal systems, 1986, 10] сообщает, что местоимения четверного (quadral) числа редко используются в тех позициях, в которых встречаются местоимения других чисел (позиции актантов, посесора, контрастного топика), однако имеют две особые функции. Во-первых, местоимения четверного числа употребляются в сочетании с терминами родства, обозначая как группу из четырех референтов, так и множественность (минимум четыре):

- (1) *gim-at* *k'aw'an*
1 мн. экскл. — четв. дядя (по матери); племянник(-ца)
'Мы четверо/много (эксклюзив), находящиеся в отношении дядьев (по матери) и племянников(-ниц)'.

Вторая функция четверного числа в сурсурунгу проявляется в "увещательном" дискурсе, где инклюзивное местоимение означает 'мы с тобой и другие' и призвано вдохновлять адресата на совместное исправление ошибок.

1.4. В некоторых языках, например в русском или немецком, через все три лица проходит однотипная корреляция по числу (ед./мн.). Так же обстоит дело, например, в мундани (группа грасфилдз, банту, Камерун [Pronominal systems, 1986, 132]), языках пиро и амузша (аравакская семья, Перу [Handbook of Amazonian languages, 1986, 569—570]) и во многих других. Это создает иллюзию симметричности числового противопоставления во всех лицах. В действительности, как давно известно (ср.: [Майтинская, 1969, 182], в отличие от местоимений 3-го лица и существительных местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа референциально неоднородны. Так, *мы* лишь в очень специфических контекстах (типа *мы, нижеподписавшиеся...*) означает совокупность нескольких говорящих, а обычно же имеет состав 'я + ты (+ты+ ... +ты)' или 'я + он (+он+ ... +он)' либо композицию этих двух составов (см.: [Гулыга, 1977; Кибрик, 1987а]. Асимметрия признака числа в различных лицах часто иконически отражается и в системах местоимений.

Минимальное проявление этой асимметрии — различие инклюзивных и эксклюзивных форм 1-го лица мн. числа. Как известно, это очень частое в языках мира явление, ср. язык оджбве

(алгонквская семья, Канада [Pronominal systems, 1986, 296]) и мн. др. [Paragesion on pronouns..., 1980, 204—227]. Противопоставление по инклюзивности/эксклюзивности проводится не только во мн., но и в дв. числе, например в языке то'абанта (океанийская группа, австронезийская семья, Соломоновы острова [Pronominal systems, 1986]).

Более яркое проявление асимметрии признака числа относительно разных лиц наблюдается в тех языках, где категории числа в местоимениях нет, однако имеется специальная форма, означающая 'я и ты' и тем самым кодирующая множественный референт. Таковы языки канела-крахо (семья же, Бразилия [Handbook of Amazonian languages, 1986, 175], упомянутый выше ашенинка.

Общезвестно, что во многих языках лицо и число местоимений выражается синкретически, т.е. формы мн. числа супплетивны по отношению к формам единственного. В некоторых языках лицо и число не только слиты фонетически, но их вообще невозможно рассматривать как две отдельные категории. Так обстоит дело, например, в языке апалаи (карибская семья, Перу и Бразилия), где выделяются три "первых лица": 1, 1 + 2 и 1 + 3 [там же, 95]. По другим причинам невозможно разделить лицо и число в баланте (см. ниже).

Для ряда языков более адекватным оказывается расчленение семантики, обычно связываемой с категорией числа, между категориями лица и состава. Для языков апалаи (см. выше) и конзине (банту, Камерун [Pronominal systems, 1986, 167—189]) выделяются пять лиц: 1, 1 + 2, 1 + 3, 2 и 3, и каждое из них (в апалаи — кроме 1-го) может выступать в минимальном (неколлективном) составе и в неминимальном (коллективном) составе. Минимальный состав при этом является для некоторых лиц (1, 2 и 3) "единственным числом", а для других — "множественным" (двойственным?).

По-видимому, самые экономные из ныне известных лично-числовых систем содержат по три члена оппозиции (Д. Инграм указывает лишь четырехчленные системы [Universals of human language, 1978, 218, 227]). Такова местоименная система упоминавшегося выше языка пираха — 1-е/2-е/3-е лицо, числа нет. В языке баланте (западноатлантическая семья, Гвинея-Бисау) имеются три лично-числовые формы: 'я', 'ты/он' и форма, единая для всех лиц мн. числа [Pronominal systems, 1986, viii].

Одна из максимальных систем лично-числовых форм (19 форм) отмечена в языке сурсурунга (см. выше), где имеются пять чисел и все неединственные числа различают 1-е инклюзивное и эксклюзивное, 2-е и 3-е лицо. Согласно У. Виземану [там же], самая мощная из известных лично-числовых систем имеется в языке гомала (группа грассфилдз, банту, Камерун) (Д. Инграму [Universals of human language, 1978, 219, 245] были известны максимум 15-членные системы): 18 разных лично-числовых форм, а без учета омонимии их 21. В гомала референтный состав лично-числовых форм

анализируется так же подробно, как в метаязыке толкований Н.К. Соколовской [Соколовская, 1980]. Все лица подразделяются на три группы: однородные (1, 2, 3), двойные (1+2, 1+3, 2+3, 3+3) и тройные (1+2+3), всего восемь "металиц". (Особенно любопытно лицо 3+3, которое обозначает представителей двух разных групп людей.) Кроме того, различаются минимальный и неминимальный (плюральный) составы. В неоднородных лицах каждое из элементарных лиц может плюрализироваться независимо. В результате 'я + я (+...+я)' (руэ) не совпадает по форме ни с 'я' (гэ), ни с 'я + ты' (пу), ни с 'я + он' (руэ). 'Я + он' не совпадает по форме ни с 'я + я (+...+я) + он' (руауи) ни с 'я + они' (руэари).

2. Еще с античных времен известно, что местоимения могут употребляться дейктически и анафорически. Мы рассмотрим вопрос о соотношении анафоры и дейксиса.

2.1. К. Элих [Speech, place and action..., 1982, 315—338], рассматривая вопрос о соотношении этих двух механизмов референции, предлагает разграничение в терминах процедур, используемых говорящим. Дейктическая процедура — языковой инструмент для фокусирования внимания слушающего на некотором элементе "дейктического пространства". Под "дейктическим пространством" понимается конфигурация, сопутствующая коммуникативному акту; элементы этого пространства в каждом конкретном случае составляют "прагматические переменные" [Падучева, 1985, 39—40], к которым относятся по крайней мере Я, ТЫ, СЕЙЧАС и ЗДЕСЬ. Анафорическая процедура, по Элиху, — языковой инструмент, при помощи которого говорящий дает слушающему команду сохранить ранее установленный фокус внимания, продолжать ориентировать внимание на тот же элемент. Эти определения далеко не идеальны (см. ниже), однако находятся в соответствии с терминологической традицией и в то же время демонстрируют все более распространяющийся процедурный подход к языковым феноменам.

Личные местоимения не идентичны в их отношении к дейктическому и анафорическому способам референции. Так, местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа, по-видимому, являются устойчиво дейктическими элементами (исключая явно вторичные употребления типа "обобщенно-личного" 2-го лица в русском: *Разве все упомянул, что с тобой в жизни было?*). Местоимения 3-го лица, напротив, чаще всего употребляются анафорически, ср. (2б), однако их дейктические употребления (2а) также весьма типичны:

(2а) (Полковник — лейтенанту, стоя перед строем)

— *Для выполнения задания возьмите его* (указывает пальцем на одного из солдат).

б. *Если вам для выполнения задания нужен рядовой Петров, возьмите его.*

2.2. Случаен ли тот факт, что формальные средства, обслуживающие дейксис и анафору, в значительной мере совпадают? Этот

факт поверхностной структуры отражает глубинное родство между двумя явлениями. Как показано в работах Дж. Лайонза [Lyons, 1975; 1977], К. Элиха [Speech, place and action..., 1982], а также А.А. Кибрика [Кибрик, 1983], дейксис и анафора — два важнейших конвенциональных механизма, при помощи которых говорящий оперирует референтами в дискурсе, в частности ориентирует внимание слушающего (о различиях между этими двумя механизмами см. ниже). "Мишени", на которые говорящий направляет внимание слушающего при дейксисе (элементы коммуникативной ситуации) и при анафоре (ранее созданный фокус внимания), имеют два общих свойства: они актуальны для каждого коммуникативного акта и при этом переменны. Эта общность и обуславливает характер языковых средств, обслуживающих анафору и дейксис, и существенное пересечение этих средств. Это те языковые средства, которые О. Есперсен и Р. Якобсон назвали шифтерами [Якобсон, 1972], т.е. единицами, устанавливающими некоторые аспекты своего значения (в данном случае — референты) лишь в конкретных коммуникативных актах. Лексические шифтеры также часто именуют индексальными или указательными словами (см. обзор: [Падучева, Крылов, 1984]. Есть также словоупотребление, при котором лексические шифтеры, в частности местоимения многих разрядов и некоторые другие классы слов, именуют дейктическими словами. В этом случае анафора рассматривается как подтип дейксиса [Bishop, Kossuth, 1979].

2.3. Дейксис и анафора очень часто рассматриваются по отдельности, а вопрос об их соотношении обсуждается значительно реже. К. Элих, в соответствии со своими определениями данных явлений (см. выше), отметил, что дейксис и анафора противопоставлены по функции: если для первого характерно изменение фокуса внимания, то для второй — сохранение. Близкую точку зрения имеет и Дж. Лайонз: "Анафора предполагает, что референт уже должен находиться в универсуме дискурса. Дейксис этого не предполагает: в самом деле, дейксис — одно из основных средств помещения объектов в универсум дискурса, так что мы можем в дальнейшем на них ссылаться" [Lyons, 1977, 673]. С этими формулировками нельзя полностью согласиться. Дело в том, что дейксис непосредственно не связан ни со сменой фокуса внимания (как считает Элих), ни с его установлением на будущее (как считает Лайонз). Употребление дейктических средств, особенно таких, как *я* и *мы*, ориентировано только на текущие элементы внешней коммуникативной ситуации, которые, во-первых, в любой момент абсолютно очевидны, а во-вторых, очень быстро сменяются. Дейксис — это установление непосредственной и моментальной связи между референтом и его обозначением, минуя все промежуточные уровни. Из сказанного следует, во-первых, что синтез и понимание дейктических выражений не требуют стирания старого фокуса внимания и, во-вторых, что говорящему нет никакой необходимости сохранять элементы коммуникативной ситуации

в фокусе внимания, ибо и в дальнейшем ему проще кодировать их заново (а слушающему — восстановить заново) путем той же дейктической процедуры, а не путем отсылки назад. Действительно, достаточно очевидно, что появление в дискурсе местоимения *я* никак не влияет на функционирование местоимений 3-го лица и их референтов, а также что каждое вхождение *я* никак не опирается на предшествующее.

Вопрос о соотношении между анафорой и дейксисом может рассматриваться как один из аспектов онтологического вопроса о том, какое из этих явлений более первично и базисно, а какое производно.

2.4. Многие авторы отмечали, что дейксис является более базисным явлением, нежели анафора, и анафора в некотором смысле производна от дейксиса. Дж. Лайонз пишет: "Анафора включает перенос исходно дейктических, точнее, пространственных понятий на временно измерение контекста и переинтерпретацию дейктического существования с точки зрения того, что может быть названо текстовым существованием" [Lyons, 1975, 81]. Аналогична позиция Ч. Филлмора [Speech, place and action..., 1982, 31—59] (правда, он употребляет термины "анафора" и "катафора" скорее в смысле "текстовый дейксис" — система указания на фрагменты текста); в языках происходит расширение дейктических категорий, в частности переход от пространственного дейксиса к текстовому. Категория "близко" (например, англ. *this, here*) продуцирует катафору (текстовый дейксис вперед), категория "далеко" (например, англ. *that, there*) — анафору (текстовый дейксис назад).

Как заметил Дж. Гринберг [Pronominal systems, 1986, xviii], анафорическое использование местоимений — метафорическое расширение буквального значения дейктического указания.

Этой идее может быть придан значительно более точный и интересный смысл, если обратиться к теории метафор Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987]. В понимании Лакоффа, метафора — это не конкретный случай переноса значения s_1 слова L на значение s_2 , а отношение между целыми фреймами, включающими множество понятий-слотов. Например, метафора *спор — это война* — отношение между фреймами *спор* и *война*, а частные отношения 'победить₁ (на войне)' — 'победить₂ (в споре)', 'позиция₁' — 'позиция₂' и т.д. — манифестация глобальной метафоры. Все метафоры имеют вид "P — это Q", где P, так сказать, фрейм-мишень, а Q — фрейм-интерпретатор; переинтерпретация понятий из фрейма P в терминах фрейма Q предоставляет новый взгляд, альтернативное понимание этих понятий. При этом фрейм Q, по Лакоффу, обычно является более простым, близким к базисным сферам опыта человека.

Возвращаясь к вопросу об универсальной бифункциональности местоимений 3-го лица — наличии у них как дейктических, так и анафорических употреблений, — заметим, что во многих языках распространена метафора *сознание — это внешний мир*, трактуемая ментальные объекты и процедуры как физические (и в частности,

видимые глазом) объекты и процедуры: И. Суитсер [Sweetser, 1987] замечает, что это по крайней мере паниндоевропейская метафора. Частная манифестация этой метафоры, включающая наблюдателя, — внимание — это зрение (Лакофф упоминает метафору понимание — это видение). Отсюда выражения типа *иметь в виду, рассматривать (вопрос), очевидно, видеть* (в смысле 'понимать'), *поле зрения* (в смысле 'поле внимания'). Таким образом, существует подчиненная метафора *центр внимания — это оптический фокус*. Эта метафора, в свою очередь, задает метафору *анафора — это дейксис*. Известно, что большинство дейктических выражений сопряжено с непосредственным физическим указанием на присутствующий в конституции объект посредством движения рук или глаз; в норме говорящий смотрит на дейктически идентифицируемый объект. Базисный же контролер анафорических выражений — центр, или фокус внимания говорящего (см. ниже). Таким образом, существует универсальный для человеческого мышления способ интерпретации такой нематериальной, незлементарной с точки зрения человеческой перцепции сущности, как центр внимания, в терминах такой более четко очерченной, перцептивно данной сущности, как фокус зрения. Эта метафора и предопределяет универсальное расширение дейктических функций местоимений 3-го лица и указательных местоимений на сферу анафоры.

3. В данном пункте рассматривается функционирование анафорических местоимений — их синтаксических и дискурсивных употреблений.

3.1. В работах, посвященных анафоре и написанных в рамках различных формальных подходов, например порождающей грамматики (см., *inter alia*: [Wasow, 1979; Lasnik, 1989]) или логического анализа языка [Падучева, 1985], рассматриваются, как правило, те употребления анафорических местоимений, которые можно назвать синтаксическими. Они вводятся по синтаксическим правилам, являются обязательными и находятся в пределах одного предложения или даже предикации (clause) со своим антецедентом. Антецедент может быть определен как именная группа, которая кореферентна анафорическому местоимению (АМ), обычно предшествует ему и контролирует его (см.: [Кибрик, 1983; Богуславская, Муравьева, 1987]).

Между тем в реальных текстах не менее часто встречаются случаи дискурсивной анафоры, которые не могут быть описаны при помощи синтаксических правил и контроля со стороны антецедента — хотя бы потому, что дискурсивные АМ и антецедент часто находятся в разных и даже не в соседних предложениях. Примеры дискурсивных АМ начали рассматриваться лингвистами лишь сравнительно недавно (см.: [McDonald, 1978; van Dijk, Kintsch, 1983]).

Данная оппозиция указывается эксплицитно сравнительно немногими авторами. Так, Дж. Гандел пишет о референтных (refering) и нереферентных местоимениях. Если функция первых — "направлять внимание адресата не некоторый референт в универсуме

дискурса" [Parasession on pronouns and anaphora..., 1980, 139], ср. (3), то функция вторых — синтаксическая, они не выполняют референцию независимо, а "связаны топиком", ср. (4):

(3) *Она ушла, а он остался.*

(4) *Пэт сказала, что ее позвали.*

Данное различие является объектом исследования в работах П. Боша [там же, 64—78; Bosch, 1983]. Он различает две "модели" употребления местоимений — синтаксическую и референтную. Референтно (referentially) функционирующие местоимения имеют, по Бошу, референт и независимы от антецедента: АМ и антецедент могут быть кореферентны, а могут иметь независимую референцию. Синтаксически функционирующие местоимения в английском языке, по мнению Боша, ничем не отличаются от аффиксов согласования глагола с подлежащим. Синтаксические местоимения нельзя считать анафорическими, это особые согласовательные морфемы, которые не занимают референтных позиций, не имеют референтов (однако имеют антецеденты). Бош предлагает следующие критерии определения двух типов АМ. Для синтаксических употреблений существенно сохранение анафорической связи при замене антецедента на произвольную именную группу (ИГ) (например, на отрицательное местоимение). Для референтных употреблений существенно сохранение анафорической связи при замене АМ на неместоименную ИГ. П. Бош подробно излагает концепцию согласования, включающую как традиционные случаи, так и синтаксически употребленные местоимения [Bosch, 1983]. Он, безусловно, прав, выделяя два типа употребления местоимений. Однако вряд ли для того, чтобы понять функционирование английских синтаксических АМ, необходимо отождествлять их с морфологически связанными маркерами согласования и так сильно расширять значение термина "согласование". По-видимому, у Боша происходит смешение формальной (морфологически свободные/связанные) и функциональной (дискурсивные/синтаксические) классификаций АМ.

Ниже последовательно рассматривается проблематика синтаксической и дискурсивной анафоры.

3.2. Синтаксическая анафора в пределах предложения была одной из центральных тем порождающей грамматики в 60—70-е годы (см. библиографию в кн.: [Wasow, 1979]; обсуждение порождающей трактовки прономинализации см. также в работах: [Падучева, 1985; Чехов, 1981; Кибрик, 1983]). С начала 80-х годов, после выхода серии работ Н. Хомского [Chomsky, 1980; 1981; 1982], порождающая грамматика была радикально обновлена и заменена Теорией Управления и Связывания (Theory of Government and Binding), так что все более ранние трактовки стали в значительной степени неактуальными. Дело в том, что исходно порождающая грамматика не содержала удобных средств формализации референциальных аспектов языка, и попытки инкорпорировать в нее референциальный компонент привели к значительному усложнению формального аппарата, что явилось одной из причин кризиса генеративизма во второй

половине 70-х годов. После модернизации порождающей грамматики Хомским в начале 80-х годов некий аналог референциальной системы стал одним из главных компонентов теории. Этот компонент, который называется "теорией связывания" (binding), отвечает за все средства выражения кореферентности, прономинализацию, рефлексивизацию, опущения и т.д. Различным вопросам теории связывания посвящено астрономическое число работ; здесь мы ограничимся лишь несколькими вводными замечаниями.

В теории связывания термины "анафор" (т.е. анафорический элемент) и "местоимение" употребляются с точки зрения принятого в лингвистике узуса весьма нетривиально. Анафорами (но не местоимениями!) считаются только рефлексивные и взаимные ИГ, т.е. ИГ, которые обязательно имеют antecedent внутри предложения. Местоимения (но не анафоры!) — слова типа английского *he*, которые не обязаны иметь antecedent рядом. Полные ИГ не являются ни местоимениями, ни анафорами. Ненулевых ИГ, совмещающих положительные значения обоих признаков, не бывает. Признаки ±анаф, ±мест используются также для классификации "пустых категорий" — нулевых ИГ. Сочетание "+анаф,-мест" соответствует следу от перемещенной ИГ (например, вопросительного слова); +анаф, +мест — категории PRO (например, нулевое подлежащее в инфинитивном обороте), -анаф, -мест — переменной, -анаф, +мест — нулевому подлежащему в языках, обычно не использующих подлежащих местоимений (так называемые pro-drop languages), например в итальянском.

Анафоры и местоимения связываются своими antecedентами. А связывает В, если: а) А с-командует В (см. ниже); б) А и В коиндексированы (≈кореферентны). Понятие с-команды (с-command) — базисное для определения не только связывания, но и управления — может быть разъяснено лишь при помощи весьма сложной формальной дефиниции, приводить которую здесь было бы нецелесообразно (см., например: [Reinhart, 1979]); достаточно указать для примера, что подлежащее матричного предложения с-командует именными группами вставленного предложения (и вследствие этого контролирует их прономинализацию). Отметим, что это лишь самые элементарные сведения по теории связывания, совершенно недостаточные для понимания современных работ на данную тему (см. учебные пособия: [Lasnik, Uriagereka, 1988; Cook, 1988]).

Заслуживает отдельного упоминания книга Т. Рейнхарт [Reinhart, 1983], в которой сделана попытка интегрировать прагматические элементы в порождающую трактовку анафоры. Так, Т. Райнхарт различает анафоры, которые являются логическими переменными, и правила раздельной (disjoint) референции, вытекающие из прагматических принципов. Один из этих принципов — следующего вида: если синтаксическая структура допускает связанную интерпретацию анафора, используй ее при условии, что тебе нужно установить кореферентность этого анафора с какой-то ИГ; в противном случае избегай связанной интерпретации.

3.3. Общая концепция анафорического связывания имеется и во второй по популярности (после Теории Управления и Связывания) формальной теории — Лексико-функциональной Грамматике (см.: [The mental representation..., 1982]). Эта концепция сформулирована в работе [Bresnan, Halvorsen, Maling, 1984] и использована в статье [Kameyama, 1984]. Постулируются три бинарных признака, претендующих на универсальную классификацию всех возможных анафорических элементов: ±субъективность (должен ли antecedent обязательно быть подлежащим), ±ядерность (должен ли antecedent быть в той же предикации, что и анафор), ±логофоричность (должен ли анафор находиться в составе косвенной речи, а antecedent быть субъектом речи). Несмотря на типологическую ориентированность этих признаков, совершенно неочевидно, что они достаточны для описания синтаксической анафоры во всех языках.

Своеобразный синтез хомскианского и психолингвистического подходов представляет собой масштабный труд [Studies in the acquisition of anaphora, 1986—1987], включающий как чисто теоретические статьи, основанные на Теории Управления и Связывания, так и исследования по усвоению анафорических средств детьми, частично опирающиеся на этот же формальный аппарат. Как и во всех генеративно-ориентированных психолингвистических работах, предполагается, что универсальная порождающая грамматика формализует и адекватно представляет языковую способность человека.

В 80-е годы был предложен ряд формальных интерпретаций синтаксической анафоры, корректирующих традиционную генеративную трактовку. Одной из популярных формальных теорий является грамматика Р. Монтегю. В работе Э. Баха и Б.Х. Парти [Parasession on pronouns and anaphora..., 1980, 1—29] с точки зрения "Расширенной Грамматики Монтегю" рассматриваются преимущества этой теории по сравнению с Пересмотренной Расширенной Стандартной Теорией (версией порождающей грамматики конца 70-х годов). Основанная на конфигурационных правилах порождающая грамматика формулирует ограничения на прономинализацию в терминах с-команды. Грамматика Монтегю, согласно Баху и Парти, использует вместо этого семантическое отношение аргумента и функции. Авторы настаивают на замене традиционного понятия "кореферентность" на "коиндексацию".

3.4. Справедливая критика генеративных работ по анафоре содержится в работе Д. Болинджера [Discourse and syntax, 1979, 289—309], который замечает, что именная референция может использоваться как при наличии кореферентного имени по соседству, так и без него. "По соседству", вопреки стандартной точке зрения, не обязательно значит в пределах одного предложения. Однако и в этих пределах можно показать неадекватность трактовки анафоры у генеративистов. Так, многие ограничения на катафору оказываются совершенно нерелевантными, если учитывать возможный контекст предложения, возможные знания адресата, семантику связи между предикациями. Вопреки ожиданиям возможна катафора из зависимой

предикации в главную, если референт является известным, близким для собеседников лицом:

(5) *Hey, Gus! Tell him to come in if you see Tom out there, will you? "Эй, Гас! Скажи ему войти, если увидишь Тома снаружи, ладно?"*

Такого рода случаи не следует рассматривать как отсылку вперед. Упоминание референта посредством полной ИГ — "реидентификация" референта, как при употреблении номинаций-эпитетов (типа *негодяй*), подчеркивающая внутренние свойства референта, внешнюю точку зрения на него и т.п. «Главная ошибка формальных трактовок „прономинализации" — рассмотрение местоимений, в противоположность именам, как результата некоего механического процесса, вызываемого наличием имени в том или ином месте, а не как прагматического выбора между именной группой с более богатым и именной группой с более бедным семантическим содержанием» [Discourse and syntax, 1979, 308].

В работе А. Миттвух [Mittwoch, 1983] также рассматриваются случаи катафоры, "запрещаемые" при порождающем подходе. В некоторых сочиненных конструкциях катафора возможна, если референт восстановим из предтекста данного высказывания. Появление же неинтерпретируемого местоимения сигнализирует о том, что главное утверждение еще впереди. Катафора — компромисс, диктуемый ограниченностью линейного характера речи: мы хотим изложить вспомогательный материал вначале и при этом включить релевантную информацию в основное утверждение. Катафора — маркер "прагматического подчинения" одной предикации другой.

Б. Визе [Wiese, 1983] перечисляет неустраиваемые трудности и нелепости, с которыми столкнулась порождающая грамматика: необходимость восстанавливать на глубинном уровне различия, очевидные на поверхности, но исчезающие в глубинном представлении (например, между предложениями типа *Мальчик ударяет себя и Мальчик ударяет мальчика*); расщепленные antecedенты; парадокс Баха—Петерса (невосстановимый antecedent); несогласованные и отсутствующие antecedенты и т.д. Как резюмирует автор, стремление сохранить синтаксическую теорию анафоры приводит к бесконечному усложнению правил. Визе предлагает, используя идеи теоретико-игровой семантики, считать, что АМ отсылает не к antecedенту, а к объекту, упомянутому ранее. «Нужно отвергнуть идею о том, что референты местоимений могут быть „вычислены" из контекста на основании безошибочного обнаружения antecedентов при помощи алгоритмических процедур» [там же, 410]. В действительности при понимании АМ слушающий использует эвристические стратегии поиска референта.

3.5. Независимые усилия по исследованию интрасентенциальной анафоры были предприняты психолингвистами, в особенности А. Карамазцой и его коллегами. В работе [Caramazza, Grober, Garvey, Yates, 1977] был сформулирован принцип "имплицитной каузальности" — предпочтений, касающихся интерпретации местоимений в зависимой предикации и объясняемых из семантики глагола

главной (и первой) предикации. Так, глагол *извиняться* перед придаточным причины благоприятствует кореферентности подлежащих:

(6) *Джон извинялся перед Биллом за то, что он, и...*

Эксперименты показывают, что испытуемые быстрее понимают те предложения, где предпочтения, навязываемые главным глаголом, подтверждаются. Те же авторы предложили еще один принцип — стратегию параллельных функций [Grober, Beardsley, Caramazza, 1978]. Эта стратегия состоит в том, что при понимании местоимений предпочтение оказывается antecedентам, которые имеют идентичную грамматическую функцию (например, прямое дополнение), что и АМ ("ролевая инерция"). В работе [Caramazza, Gupta, 1979] к этим двум принципам была добавлена еще стратегия топикализации: предпочтительным antecedентом является топик/подлежащее.

В статье Эрлиха [Ehrlich, 1980] предлагается заменить формальную классификацию глаголов с точки зрения их "имплицитной каузальности" более когнитивно-ориентированным принципом совместимости знаний слушающего с тем или иным референтом — кандидатом на роль референта данного АМ.

3.6. Когда во второй половине 70-х годов интересы лингвистики начали перемещаться с предложения на проблемы дискурса, в поле зрения исследователей попала и дискурсивная анафора. Это явление рассматривалось в работах функционалистов, когнитивистов, специалистов по искусственному интеллекту и психолингвистике.

Надежный фундамент для изучения дискурсивной анафоры был заложен в рамках искусственного интеллекта работами Б. Грос [Proceedings..., 1977, 67—76; Grosz, 1981], которая ввела в лингвистику понятия фокуса внимания и фокусирования. Длительная прономинализуемость референта в дискурсе — результат того, что этот референт находится в фокусе внимания говорящего и адресата. Как только фокус меняется, местоимение больше не может быть применено к прежнему референту. Эти идеи были развиты в работах К. Баллвинкл [Proceedings..., 1977, 43—49], где использовалось также представление знаний в виде фреймов.

Данное направление в исследовании дискурсивной анафоры представляется наиболее перспективным. Возможность использования дискурсивных АМ может предсказываться в модели говорящего, включающей механизм фокусирования внимания. В работе А.А. Кибрика [Кибрик, 1987б] была сделана попытка сформулировать для русского языка факторы фокусирования, формирующие фокус внимания и предопределяющие возможность прономинализации. Эта же методика была применена к материалу других языков [Кибрик, 1988].

Несколько иной подход был представлен в работах Дж. Хоббса [Hobbs, 1978], где отношения кореферентности в тексте выводились из отношений связности. Так, например, согласно этой модели система автоматического анализа языка при понимании следующего текста:

(7) *Джон может открыть сейф Билла. Он знает комбинацию, —*

должна устанавливать референт местоимения *он* на основе знания об отношении типа "развитие" между двумя предложениями.

Для большинства работ характерен анализирующий подход к моделированию обработки дискурса. Модель синтеза АМ была предложена Д. Мак-Доналдом [McDonald, 1978]. Искусственный аналог говорящего должен, во-первых, устанавливать прономинализуемость референта на основе его предшествующих упоминаний и, во-вторых, определять, нет ли "отвлекающих" референтов, способных создать неоднозначность.

Превосходный обзор работ по анафоре, выполненных в русле искусственного интеллекта в 70-х — начале 80-х годов, содержится в книге Г. Хёрста [Hirst, 1981]. Позже центр исследований по дискурсивной анафоре переместился в психолингвистику (см. ниже). Тем не менее анафора как средство "референциальной связности", как правило, учитывается в интеллектуальных моделях связности дискурса (см., например: [Samet, Schank, 1984]).

3.7. В течение конца 70—80-х годов очень большая и труднообозримая работа, посвященная частным и техническим аспектам понимания и синтеза АМ, была выполнена психолингвистами. Здесь мы остановимся лишь на нескольких наиболее крупных исследованиях, имеющих не только экспериментальное, но и теоретическое и общелингвистическое значение.

В книге ван Дейка и Кинтша [van Dijk, Kintsch, 1983] значительное место уделено стратегиям понимания АМ. Авторы указывают несколько стратегий поиска antecedента: недавность (текстовая близость к АМ), семантическая и синтаксическая выделенность (статусы агенса и подлежащего), топиальность. Последний фактор является ведущим. Согласно концепции ван Дейка и Кинтша, пониманием дискурса управляет буфер кратковременной памяти, содержащий несколько пропозиций, полученных в результате обработки предшествующего дискурса. Поиск antecedента ведется именно в этом буфере. Чаще всего antecedент оказывается топиком (различных рангов — топиком предложения, эпизода, дискурса). Это подтверждается экспериментально: топиальная стратегия поиска antecedента оправдывается в зависимости от дополнительных условий в 60—98% случаев.

Моделированию синтеза АМ посвящена работа У. Марслен-Уилсона, Э. Леви и Л. Тайлер [Speech, place and action..., 1982, 339—378]. Эти авторы рассматривают АМ как главное средство поддержания референции говорящим. Согласно проведенным экспериментам, большинство употреблений АМ соответствует референтам, наиболее центральным не только для данного предложения и эпизода, но и для всего дискурса. Авторы обсуждают также вопрос о том, какой фактор более важен для употребления АМ — текстовая близость antecedента или принадлежность референта "фокусному множеству" (см. также п.4).

Среди психолингвистических работ по моделированию синтеза и анализа в реальном времени особую группу составляют исследования

по детской речи. Так, несколько интересных наблюдений над употреблением АМ у детей было сделано А. Кармилофф-Смит (см., например: [Parasession on pronouns and anaphora..., 1980, 231—250]). Употребление определенных ИГ и местоимений детьми, вероятно, имеет иной характер, нежели у взрослых. Например, в построенном ребенком тексте типа:

(8) *Это собака. Она лает —*

связь между предложениями значительно слабее, чем у взрослых, они просто соположены, и при построении второго предложения опора на первое почти не используется. Соответственно во втором предложении местоимение *она* употреблено дейктически, без анафорической связи с antecedентом. Другое наблюдение Кармилофф-Смит состоит в том, что дети в одном и том же предложении часто используют прономинализацию на разных уровнях. Так, главный участник текста прономинализуется на "макротематическом" уровне, а локальный участник — на уровне предложения. Это постоянно создает невозстановимую референциальную неоднозначность в детской речи. В основном, по мнению автора, прономинализация контролируется на высших уровнях организации дискурса, а не на уровне отдельных предложений. Статья Кармилофф-Смит заканчивается риторическим вопросом: "Должны ли наши лингвистические и/или психологические теории анафоры и местоимений базироваться на понятии предложения — единице, столь редко встречающейся в нормальном дискурсе?" [там же, 248]. Процессам употребления местоимений в детской речи посвящены также, например, работы: [Charney, 1980; Brener, 1983].

3.8. Как уже отмечалось, поворот теоретической лингвистики к функционализму в середине 70-х годов знаменовался, в частности, осознанием того, что существует не только синтаксическая анафора. Так, предметом статьи О.Д. Генслера [Gensler, 1977] были местоимения, не являющиеся дейктическими, но и не отсылающие к синтаксическому antecedенту. Такую анафору автор назвал несинтаксической, анафорой к "предтексту-фрейму". Несинтаксическим antecedентом может быть либо весь фрейм, либо какой-то его компонент, либо новый фрейм, вызванный старым, и т.д. Несинтаксическая анафора более характерна для устной речи. Существенный вывод Генслера состоит в том, что всякая анафора, независимо от типа antecedента, обслуживается в принципе одними и теми же механизмами.

Дискурсивная анафора была затронута в ряде теоретических работ, посвященных более общим или смежным проблемам. Так, У. Чейф, обсуждая проблематику "коммуникативных" категорий, отмечает, что одной из главных особенностей кодирования статуса данного является прономинализация [Чейф, 1982]. Чейф также добавил, что данное может не быть прономинализовано, если есть риск создания неоднозначности.

Одна из известнейших концепций организации дискурса, включающая и феномен прономинализации, принадлежит М. Хэллidayе

[Halliday, Hasan, 1976; Halliday, 1985]. Согласно Хэллиду, "референция" — это одна из четырех форм связанности (cohesion) дискурса. Анафора (разновидность референции) иногда служит единственным средством выражения связанности соседних предикаций, т.е. имеет критическое значение для формирования текста. В многочисленных работах 70—80-х годов по связанности (coherence) текста (их обзор см.: [Research in text complexity..., 1986] анафора, как правило, учитывалась в качестве одного из формальных средств выражения связанности.

В работе Ш. Линде [Discourse and syntax, 1979, 337—353] была предпринята попытка описать на основе понятия фокуса внимания употребление двух английских анафорических местоимений *it* и *that*. Если первое кодирует референт в фокусе, то второе — референт вне фокуса. Вероятно, это объясняется исходной предназначенностью местоимений 3-го лица для анафоры, а указательных местоимений — для дейсиса.

Дж.Хайндз [Hinds, 1978] одним из первых в теоретической лингвистике и типологии попытался связать дискурсивную анафору со структурой дискурса, границами абзацев и эпизодов (см. также п.4). Наиболее известный результат Хайндза — описание анафорических средств японского языка (см. также: [Topic continuity in discourse..., 1983]), в особенности нулевой анафоры, являющейся функциональным аналогом местоименной анафоры европейских языков.

Типологическая традиция изучения дискурсивной анафоры была продолжена Т. Гивоном (см. п.4). В последние годы сведения об употреблении анафорических средств в дискурсе становятся одним из обязательных элементов полного описания языка или его местоименной системы (см., например, статьи К. Шоултер, Л. Марчиза, М. Бриз [Pronominal systems, 1986], а также [Saltarelli, 1988]).

По-видимому, дискурсивная и синтаксическая анафора несводимы друг к другу — не могут быть описаны с помощью одних и тех же правил (см.: [Кибрик, 1988]). В определенном смысле синтаксическая анафора производна от дискурсивной: существует универсально-языковая метафора (в употреблении Дж.Лакоффа) *предложение — это сознание*, благодаря которой совокупность актантов предложения рассматривается как совокупность референтов, актуализованных в сознании, а топикальная ИГ — как фокус внимания. Таким образом, топикальная ИГ, контролирующая анафору, — antecedent — является переосмыслением фокуса внимания. Однако данное переосмысление настолько конвенционализировано, настолько закреплено в человеческих языках, что синтаксическая анафора, видимо, всегда должна рассматриваться как относительно автономный грамматический механизм. Усматривать в предложениях типа *Пэт сказала, что ее позвали* формирование фокуса внимания, далее контролирующего прономинализацию, было бы неадекватным усложнением ситуации. Естественнее считать, что контролером анафорического местоимения в придаточном является подлежащее матричного предложения.

4. Рассмотрим положение анафорических местоимений в ряду других средств поддержания референции.

4.1. В последние годы в лингвистике все больше утверждается процедурный взгляд на язык, в частности появились попытки моделировать синтез дискурса говорящим в реальном времени (on-line). При этом подходе анафора должна рассматриваться как разновидность более общего явления — повторной номинации говорящим некоторого уже актуализованного референта. При повторной номинации говорящий каждый раз выбирает некоторое формальное средство из репертуара, присущего данному языку. В этот репертуар чаще всего входят полные имена (имена собственные и дескрипции), полные имена с модификаторами (например, указательными местоимениями), анафорические выражения. Как отмечали Х. Сэкс и Э.А. Шеглофф [Sacks, Schegloff, 1979], выбор формы референции определяется двумя факторами: стремлением к экономии формальных средств и заботой о восстановимости референта.

Дж.Граймс [Grimes, 1975] писал, что в языках могут использоваться две стратегии установления и поддержания референции: "последовательная" (выбор повторной номинации в зависимости от близости antecedenta) и "тематическая" (выбор в зависимости от статуса данного участника в тематической структуре дискурса). Первая из этих стратегий была подробно рассмотрена в ряде работ.

В статье Г. Кларка и К. Сенгула [Clark, Sengul, 1979] была предложена модель выбора повторной номинации на основании одного главного фактора — недавности (recency) antecedenta. Обосновывая этот тезис, авторы поставили ряд психолингвистических экспериментов.

В работе П. Клэнси [Clancy, 1980] утверждалось, что английские анафорические местоимения и японский анафорический ноль понятны слушающим, лишь если они отделены от antecedenta не более чем двумя границами предикации или одной границей предложения, а при более далеком расстоянии должен использоваться повтор имени.

Данная точка зрения получила наиболее полное развитие в работах Т. Гивона. Гивон разработал концепцию "непрерывности топика" в дискурсе (см.: [Topic continuity in discourse..., 1983]), одним из компонентов которой является "шкала кодирования", включающая такие позиции, как нулевое кодирование, безударные и ударные местоимения, определенные ИГ, референтные неопределенные ИГ и пр. Левая часть этой шкалы соответствует более непрерывному, доступному, ожидаемому топикю, а по мере уменьшения этих свойств более предпочтительными становятся формальные средства из правой части шкалы. Основной фактор, определяющий доступность топика (иначе говоря, близость референта к фокусу внимания), — это референциальное расстояние: число предикаций, отсчитываемых от данной повторной номинации влево до ближайшего antecedenta. Чем меньше референциальное расстояние, тем скорее говорящий использует анафорическую номинацию. На этой теоретической основе Т. Гивоном была построена количественная модель кодирования непрерывности топика, которая была апробирована коллективом

авторов указанной выше книги на материале многих языков — письменного и разговорного английского, японского, ют, древнееврейского, чаморро и др. (см. также: [Givón, 1985; 1989]).

Концепция, основанная на референциальном расстоянии, неоднократно критиковалась сторонниками второй, "тематической", теории, считающими, что расстояние до антецедента — слишком грубый критерий, неспособный предсказать все референциальные выборы. Весьма изощренный вариант модели повторной номинации, опирающийся на иерархическую структуру дискурса, предложен в статье У. Марслен-Уилсона и др. [Speech, place and action..., 1982]. Авторы этой работы рассматривают зависимость выбора номинации (referential device) от степени "вставленности" референта в дискурс — входит ли он в тему всего абзаца, или его эпизода, или лишь отдельного события. Чем больше степень вставленности, тем более экономичные средства (в частности, анафорические местоимения и нули) используются говорящим, и наоборот. На основе нескольких экспериментов авторы моделируют процессы выбора номинации говорящим, зависящие от важности референта для повествования, количества актуализованных участников и других факторов.

Б. Фокс [Coherence and grounding in discourse, 1987, 157—174] справедливо указывает на случаи повторной номинации, не объяснимые в рамках концепции референциального расстояния: далекая анафора (через десятки предикаций) и использование полных ИГ при очень близком расстоянии. Фокс предлагает формулировать правила повторной номинации в терминах структуры дискурса. Так, в точке, где ожидается местоимение, может быть использована полная ИГ, если это начало нового "нарративного отрезка".

Модель повторной номинации на базе структуры дискурса наиболее полно разработана Р. Томлином [там же, 455—479]. Согласно Томлину, выбор повторной номинации, или "синтаксис референции", — функция от границ эпизода или абзаца. Эпизод является коррелятом рабочей памяти говорящего. Границы эпизода — это сдвиги внимания. Поэтому при номинации, повторной по отношению к данному эпизоду, используются в основном анафорические местоимения, при отсылке через границу эпизода — полные ИГ. Томлином были проведены два эксперимента по искусственной стимуляции границ эпизодов и соответственно сдвигов внимания говорящих. Эти эксперименты подтвердили перспективность данного подхода к повторной номинации.

Представляется, что "последовательная" и "тематическая" стратегии поддержания референции могут быть интегрированы при подходе, основанном на фокусировании внимания (см. выше). Референт может оказываться в фокусе внимания как в результате того, что он был только что упомянут, так и в результате его важности для всего дискурса (см.: [Кибрик, 1987б]). Таким образом, формирование текущей структуры распределения внимания — многофакторный процесс. В каждый данный момент степень близости референта к фокусу внимания предопределяет выбор номинации.

4.2. Анафорические элементы являются основным языковым средством поддержания референции в предложении и дискурсе. Однако АМ имеют очень широкую область референции, что часто создает опасность референциальной неоднозначности. Для устранения неоднозначности языки используют различные вспомогательные средства, которые накладывают ограничения на возможную референцию каждого АМ и тем самым участвуют в поддержании референции (типологию этих вспомогательных средств см. в работе: [Кибрик, 1988]). К вспомогательным средствам поддержания референции относятся, в частности, именные классы и роды, так называемые логофорические местоимения, категория переключения референции (switch-reference) и др.

В первую очередь необходимо сказать о тех вспомогательных средствах снятия неоднозначности, которые формально склеены с местоимениями. Так, одной из частых местоименных категорий является именная класс (в том числе "род" индоевропейских языков, категории одушевленности и личности). Именные классы могут выражаться как в составе морфологически свободных местоимений (например, в русском языке, в нахско-дагестанских), так и в составе связанных (например, в романских языках, в ряде австралийских). Как заметил Р. Диксон [Noun classes and categorization, 1986, 105—112], нулевая анафора, как правило, не сочетается с системами именных классов.

В некоторых языках, например в английском, именные классы различаются только в анафорических местоимениях. Иногда бывает, что в языке с именными классами (например, в серер, западноатлантическая семья, Сенегал [Кибрик, 1988]) они, напротив, не используются в системе АМ. Однако и то, и другое встречается редко — обычно в языках, где есть именные классы, они участвуют в местоименной системе, и наоборот. В таких языках число анафорических местоимений соответствует, как правило, числу именных классов, ср. африканские языки конзиме, лйеле, годиз [Pronominal systems, 1986], фула [Коваль, Зубко, 1986]. Именные классы, маркируемые в местоимениях, используются для классификации референтов, значит, для уменьшения неоднозначности анафорической референции, а следовательно, для поддержания референции в предложении и дискурсе. Данная функция именных классов была сформулирована в пионерской работе Дж. Хита [Heath, 1975] и подробно проиллюстрирована им позже [Switch-reference and universal grammar, 1983, 129—150] на материале языка нунггубую (не-пама-ньюнга, Сев. Австралия). В типологии систем "отслеживания референции" У.Фоли и Р.Ван Валина [Foley, Van Valin, 1984] именные классы рассматриваются как одна из четырех основных систем, представленных в языках мира. В работе П. Даунинг [Noun classes and categorization, 1986, 345—375] показано анафорическое функционирование классификаторов японского языка — языковых единиц, аналогично именным классам классифицирующих именную лексику.

В целях устранения неоднозначности и тем самым поддержания референции могут использоваться и такие виды классификации

референтов, маркируемые синкретически с местоимениями, как иерархия вежливости [Universals of human language, 1978, 151—219; Kupa, 1976] и иерархия активности (например, в апацких языках [Shayne, 1982]).

Все упомянутые до сих пор классификации референтов являются стабильными, поскольку основаны на неизменном разбиении имен на определенные классы. Второй тип противопоставлений между референтами — текущие противопоставления с точки зрения локальных, переменных свойств референтов, например синтаксической или дискурсивной выделенности. Такие противопоставления маркируются в составе АМ и участвуют в снятии неоднозначностей при поддержании референции. Наиболее известны логофорические местоимения западно- и центрально-африканских языков (этот термин был введен К. Ажежем [Hagège, 1974]). "Классические" логофорические местоимения выступают в позиции подлежащего зависимой предикации, выражающей косвенную речь, и маркируют кореферентность с подлежащим главной предикации (т.е. с субъектом речи). Ср. пример из языка бабунго (группа грассфилдз, банту [Pronominal systems, 1986, 444]):

(9) *ɲwá gí láá yì táa jwí*

Он (3) сказал, что он (10г) придет.

Обычные местоимения 3-го лица в логофорических системах, как правило, маркируют некорреферентность двух подлежащих. Логофорические местоимения представлены в языках макросемьи Нигер-Конго, а также в афро-азиатских языках [там же].

Среди текущих противопоставлений, маркированных на связанных местоимениях, наиболее известна оппозиция "ближайшее (=3-е)/обвиативное (=4-е)/дальнейшее обвиативное (=5-е) лицо" (proximate/obviative/further obviative) в алгонкинских языках Северной Америки (см., например: [Ford, 1981; Foley, Van Valin, 1984, 333—338]). Статус обвиатива присваивается всем референтам, упоминаемым в данном фрагменте дискурса, кроме одного — главного фокуса внимания, который становится ближайшим лицом. Противопоставление ближайшего и обвиативного лиц является в алгонкинских языках исходной точкой для кодирования ролевых отношений в предикации. Разновидности "4-го лица" представлены также в языках юпик (эскимосско-алеутская семья, Аляска [Switch-reference and universal grammar, 1983, 291—316], навахо [Кибрик, 1988]).

5. Настоящий пункт посвящен анализу формальных типов местоимений.

5.1. Лингвистика 70—80-х годов весьма широко пользовалась термином "нулевая анафора" (аналогично можно было бы говорить и о нулевом дейксисе). Нулевые анафорические местоимения присутствуют, например, в русском тексте:

(10) *Два дня Иван не находил себе места. \emptyset пробовал напиться, но еще хуже стало — противно. \emptyset бросил. На третий день \emptyset сел писать письмо в районную газету* (В. Шукшин; пример из работы: [Nichols, 1985]).

Данное понимание термина "ноль" противоречит той отечественной

традиции анализа невыраженных единиц, в которой нули противопоставляются эллипсису. Так, например, в соответствии с трактовкой Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев, 19906] в примерах типа (10) отсутствие подлежащих — результат трансформации эллиптирования местоимений 3-го лица (в отличие от "подлинных" нулей — неопределенно-личного $\emptyset_{\text{ми}}$ и др., которые являются самостоятельными лексемами и не могут рассматриваться как продукт трансформации). Однако правомочность трансформационного подхода, собственно говоря, не безусловна. Более целесообразным представляется процедурный подход к текстопорождению, согласно которому говорящий, кодируя некоторый референт, совершает выбор между несколькими референциальными средствами, одно из которых может быть нулевым (см. выше). Кроме того, отсутствующие подлежащие в (10) удовлетворяют и предложенному Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым определению "подлинных" нулей как единиц, для которых "в системе языка нет полностью синонимичного ненулевого способа выражения" [там же]. Хорошо известно, что нулевые и местоименные анафорические элементы далеко не синонимичны (см.: [Topic continuity in discourse..., 1983; Nichols, 1985]). Если и можно говорить об эллипсисе в противоположность нулю, то это скорее случаи не автономно-референтных невыраженных ИГ, появляющихся в особых синтаксических контекстах типа инфинитивных и герундиальных оборотов, при сочинительном сокращении [ср. нули при инфинитивах в (10)].

Нулевая анафора подробно описана для таких языков, как японский, ют [Topic continuity in discourse..., 1983], китайский [Гао, 1986], тибетский [Andersen, 1987], русский [Parasession on pronouns and anaphora..., 1980, 139—146; Nichols, 1985], польский [Coherence and grounding in discourse, 1987, 131—156], турецкий [Erguvanli-Taylan, 1986].

Противопоставление языков, использующих в основном нулевые и в основном ненулевые местоимения, является одним из важных типологических измерений. Дж.Гандел [Parasession on pronouns and anaphora, 1980] предлагает следующее типологическое обобщение: чем более выдвинут в данном языке топик (в смысле Ли и Томпсон [Ли, Томпсон, 1982]), тем менее ограничено в данном языке использование нулевой анафоры. В таких языках с выдвинутым топиком, как китайский, тайский, японский, нулевые местоимения могут использоваться в любой позиции и с автономной референцией. В таких языках с выдвинутым подлежащим, как английский, немецкий, употребление нулевых местоимений ограничено позициями, не имеющими автономной референции.

5.2. Нужно иметь в виду, что далеко не во всех случаях, когда говорят о нулевой анафоре, это достаточно оправданно. Безусловно, в японском языке, где глагольная словоформа не содержит никаких аффиксов, маркирующих референцию актантов глагола, отсутствие ИГ, обозначающей семантически присутствующий актанта, может интерпретироваться только как нулевая анафора. Другое

дело — испанский язык, где подлежащие ненулевые местоимения, как правило, не используются, но зато глагол содержит согласовательные аффиксы, маркирующие лицо и число подлежащего так же (или почти так же), как это делается при помощи местоимений. Не следует ли интерпретировать эти аффиксы как морфологически связанные местоимения, выполняющие те же функции, что в других языках выполняют морфологически свободные местоимения?¹² Этому вопросу в последние годы была посвящена обширная литература.

Видимо, первым привлек внимание к соотношению между согласованием и местоимениями Т. Гивон [Givón, 1976]. Он показал, что согласовательные аффиксы возникают в результате диахронического переразложения конструкции с вынесенным влево топиком и местоименным следом: топик переинтерпретируется как подлежащее, т.е. часть предикации, а местоимение, раньше бывшее актантом, — как приглагольная местоименная клитика, а затем, в результате грамматикализации, как автоматический и морфологически связанный согласовательный маркер. Например, испанский язык унаследовал подлежащее согласование еще от праиндоевропейского, но уже самостоятельно развивает клитические местоимения/согласователи в функции прямого и косвенного дополнений.

Работа Гивона была в значительной мере основана на материале языков банту и семитских, в которых, как правило, число приглагольных клитик/согласователей не превышает двух. Материал этих языков был позже рассмотрен в ряде работ. Б. Уолд [Discourse and syntax, 1979, 505—524] более подробно проанализировал материал суахили и показал, что исходная сфера употребления объектного маркера ограничена референцией к "топикам" разных типов (анафора к теме дискурса, к вынесенным влево и вправо топикам, маркировка позиции релятивизации). Б. Уолд также проиллюстрировал процесс грамматикализации объектного маркера (местоимение—согласователь) (о банту см. также, например: [Bresnan, Mchombo, 1986]).

Несколько интересных работ были посвящены материалу романских языков. Согласно А. Дуранти и Э. Окс [Discourse and syntax, 1979, 377—418], в итальянском языке имеется полный параллелизм между подлежащими клитиками (= личными глагольными флексиями) и прямо- и косвенно-объектными препозитивными клитиками как в отношении их дистрибуции, так и в отношении функционирования.

5.3. Существует множество языков, для которых вопрос "согласователи или местоимения?" еще более актуален. Это так называемые полисинтетические языки, в которых глагольная словоформа содержит маркеры не одного подлежащего, как, скажем, в латыни, и даже не двух актантов, как в суахили, испанском и арабском,

а нескольких или всех актантов¹³. К языкам такого типа относятся абхазо-адыгские [Hewitt, 1979], многие австралийские [Heath, 1978], некоторые австронезийские [Mithun, 1986], на-дене [Young, Morgan, 1987], алгонкинские [Ford, 1981], ирокезские [Chafe, 1970], сию [Van Valin, 1985], майя [Craig, 1977], многие южноамериканские [Handbook of Amazonian languages, 1986] и т.д. Ср. пример из абхазского языка:

(11) *i-lə-j-tej* 'Он ей его дал'.

его-ей-он-дал

Как и во всех полисинтетических языках, в абхазском языке при наличии полных ИГ-актантов (например, в предложении 'Мужчина дал женщине хлеб') глагольная словоформа выглядит точно так же, как и в (11). Многие авторы защищают точку зрения, что личные маркеры в глаголе в полисинтетических языках целесообразно рассматривать как местоименные, а не согласовательные элементы. Как отмечает М. Митун, в отличие от согласовательных маркеров морфологически связанные местоимения самостоятельно выполняют функцию референции, тождественны по функции местоимениям европейских языков и сами являются аргументами глагола [Mithun, 1986] (см. также: [Van Valin, 1985; Jelinek, 1984]). Иногда, чтобы избежать однозначного решения интерпретационной проблемы "согласователи или местоимения?", говорят просто о личных маркерах или о "кросс-референции" падежей именных групп в глаголе (ср.: [Andrews, 1985, 75—77]).

Полисинтетические языки создают очень серьезные проблемы для лингвистической теории и заставляют переосмыслить многие ее основные понятия. Во-первых, отменяется понятие предикатно-аргументного согласования. В результате должно быть пересмотрено и понятие управления: глагол в полисинтетических языках управляет не самостоятельными именными группами, а позициями в составе глагольной словоформы, которые заполняются местоименными морфемами. Отношение между связанными местоимениями и самостоятельными именными группами не может быть квалифицировано при помощи ни одного из общепринятых типов синтаксической связи. Вероятно, однако, что по крайней мере в некоторых полисинтетических языках все актанты, маркированные полными ИГ, могут считаться вынесенными топиками, имеющими местоименные следы в предикации. Как ясно из предшествующего, меняется и сам статус предикации: базисная предикация не содержит именных групп, она состоит из одной лишь глагольной словоформы. Следовательно, для языка такого типа нерелевантно и понятие базисного порядка слов (см. статьи М. Митун, К. Ламбрехта [Coherence and grounding

¹² Следует подчеркнуть, что используемое здесь различие между (морфологически) свободными и связанными местоимениями не имеет ничего общего с омонимичной оппозицией, обсуждавшейся выше в связи с порождающей грамматикой.

¹³ Строго говоря, полисинтетизм — более широкое понятие и обычно определяется как высокая степень синтетизма глагола, большое число морфем или морфемных позиций в глаголе по сравнению с типологическим "средним". Однако, по-видимому, высокая степень маркирования актантов в глаголе обычно сопутствует морфологической сложности глагола, и здесь мы используем термин "полисинтетизм" именно в указанном смысле.

in discourse, 1987]), а также синтаксические отношения (подлежащее, дополнение и т.д.). Не могут быть отменены лишь универсальные семантические и когнитивные понятия, такие, как "семантические роли", "тематичность" и т.д.

Дж.Николз [Nichols, 1986] предложила новую типологию языков, в которой полисинтетические языки определяются как языки с вершинным маркированием (head-marking) грамматических отношений. Это значит, что отношения между глаголом и актантами маркируются не при помощи падежей на зависимых элементах (dependent-marking), как в старых индоевропейских языках, а на вершинном элементе — глаголе. Николз удалось проследить данную оппозицию на синтаксических составляющих разных рангов. Работа Николз является фундаментальным обобщением в лингвистической теории и вводит оппозицию вершинное/зависимостное маркирование в число важнейших типологических измерений.

Таким образом, существуют три основных формальных типа местоимений: нулевые, ненулевые свободные и ненулевые связанные. Все сказанное выше показывает, какую центральную роль играют местоимения в грамматиках языков. От того, казалось бы, формального обстоятельства, маркируются ли местоимения как свободные формы или как морфемы/клитики при глаголе, зависят фундаментальные характеристики того или иного языка.

Любопытно заметить, что к числу последовательно вершинно-маркирующих (т.е. полисинтетических) языков относится французский (по крайней мере разговорный) язык. К. Ламбрехтом [Coherence and grounding in discourse, 1987, 217—261] убедительно показано, что во французскую базисную предикацию входит лишь глагол с клитиками, а полные ИГ выступают в функциях топиков и анти-топиков.

5.4. На повышение интереса к полисинтетическим языкам отреагировали представители формальных грамматик. К. Хейл [Hale, 1983] сообщил о "неконфигуративном" австралийском языке валбири, где местоименные аффиксы следует рассматривать как аргументы глагола, а не согласовательные копии имен. Э. Желинек [Jelinek, 1984] на материале навахо (атабаскская группа, Сев. Америка) также показывает, что ИГ являются факультативными приложениями (appositions, adjuncts) к местоименным аффиксам-аргументам, и пытается описать соответствующие явления в терминах Теории Управления и Связывания. Целая серия статей о местоименно-аргументном характере личных аффиксов глагола в атабаскских языках содержится в сборнике [Athapaskan linguistics..., 1989].

Интерес формальных грамматик к синтаксису клитик в европейских (особенно романских) языках восходит к книге Р. Кейна [Kaune, 1975]. Эти вопросы обсуждались и в других работах [Jaeggli, 1982; Aoun, 1985; Lapointe, 1985]. Проблема местоименных клитик в порождающей грамматике посвящен целый сборник [The syntax of pronominal clitics, 1986]. Х. Борер справедливо отмечает, что "статус местоименных клитик как элементов, которые одно-

временно участвуют и в синтаксических, и в морфологических процессах, довольно необычен, и как таковые они могут дать нам возможность проникнуть в природу синтаксических явлений, лексических явлений и взаимодействия между ними" [там же, 1]. Однако этому проникновению препятствуют априорные структуры формальной грамматики, ориентированные прежде всего на европейский стандарт. Это убедительно было показано Р. Ван Валином [Van Valin, 1985], который сравнил применимость аппаратов порождающей грамматики и так называемой Референциально-Ролевой грамматики [Foley, Van Valin, 1984] к материалу полисинтетического языка лакота (семья сиу, Сев. Америка).

Тем не менее авторы сборника [The syntax of pronominal clitics, 1986] в своих терминах обсуждают те же проблемы, что и типологи-функционалисты: "поглощают" ли клитики падеж, тематическую роль (\approx семантическая роль), управление. В большинстве статей сборника обсуждается романский материал, имеются статьи на австралийском и семитском языковом материале.

Грамматика клитик остается в последнее время одной из наиболее активных тем в работах по Теории Управления и Связывания (см.: [Everett, 1987; Shlonsky, 1988; Suifer, 1988]).

Проблема приглагольных местоимений исследуется и в Лексико-функциональной Грамматике. В интересной статье Д. Бреснан и С. Мчомбо [Bresnan, Mchombo, 1986] на материале языка чичева (банту) показано, что обязательный подлежащий маркер при глаголе бифункционален — он является показателем грамматического согласования при наличии подлежащей ИГ и местоимением в случае ее отсутствия, — а факультативный объектный маркер при глаголе во всех случаях, когда он есть, является местоимением, т.е. самостоятельно выполняет референциальную функцию. Если подлежащей ИГ нет, то подлежащий маркер является местоимением и аргументом глагола; если независимая ИГ имеется, то в разных случаях одна и та же структура может иметь разные интерпретации: подлежащая ИГ и согласовательный маркер либо топик и анафорически связанное с ним инкорпорированное местоимение. Объектный маркер при наличии объектной ИГ не появляется. Он может присутствовать в двух случаях: когда независимой ИГ вообще нет или когда она является "свободно плавающим" вынесенным вправо топиком. К сожалению, особенности формальной грамматики не позволяют объяснить переходные случаи, отмечаемые во многих языках банту [Givón, 1976]. Это случаи, когда вчерашнее местоимение начинает переинтерпретироваться как автоматический согласователь и обе функции существуют одновременно.

5.5. По-видимому, во всех языках с вершинной маркировкой, где преобладают местоименные морфемы/клитики, свободные местоимения также присутствуют в специфических контекстах. Л. Шварц [Pronominal systems, 1986, 405—436] пытается выявить универсальный набор таких контекстов. Используется выборка из пяти языков: испанского, темне (западноатлантическая семья, Зап. Африка), юго-за-

падного оджибе (алгонкинская семья, Канада), инга (группа кечуа), египетского арабского. Различающая функция свободных местоимений встречается часто, но не везде. Так, испанские подлежащие местоимения 3-го лица в отличие от маркера при глаголе различают род и вежливость. В темне, напротив, свободные (эмфатические) местоимения не более референциально различительны, чем клитики. "Прагматическая" функция имеет ряд разновидностей и во всех языках выборки зафиксирована по крайней мере в какой-то из этих разновидностей. Во всех рассмотренных языках свободные местоимения маркируют "контрастивный фокус", в темне используются в расщепленных (cleft) конструкциях, в арабском обязательны в ответах на вопросы, в испанском употребляются в "аффективных" высказываниях. Видимо, универсальный контекст употребления свободных местоимений — сочинительные конструкции, требующие формального равноправия сочиняемых элементов, например субстантивной ИГ и местоимения.

6. В п.4 были рассмотрены некоторые категории, склеивающиеся с анафорическими местоимениями, и при этом кофункциональные им (служащие поддержанию референции). Теперь необходимо коснуться некофункциональных склеенных категорий. К числу этих категорий относятся как именные, чье объединение с местоимениями кажется вполне естественным, так и глагольные, которые в сочетании с местоимениями выглядят весьма экзотично. Возможно также склеивание двух местоимений между собой.

6.1. Фузионное выражение местоимений (всех лиц) и семантических ролей/падежей — чрезвычайно распространенное явление. Применительно к свободным местоимениям это называется супплетивизмом падежных форм местоимений — феномен, хорошо знакомый по индоевропейским языкам. В языках со связанными местоимениями чаще всего (всегда?) существуют несопадающие серии местоимений, соответствующие разным ролям. Это объясняется тем, что размещение местоименных морфем по разным морфологическим позициям в глагольной словоформе (особенно если несколько таких морфем размещается по одну сторону от корня) является недостаточно надежным и гарантирующим правильное восстановление способом кодирования ролей актантов. Так, в языке навахо [Young, Morgan, 1987] подлежащие местоимения — 1 л. ед.ч. *ǰ*-, 3 л. *ǰ*-, 1 л. мн.ч. *iid*-, 2 л. мн.ч. *oh*-, а соответствующие объектные формы — *ǰi*-, *bi*-/ *yi*-, *nih*-, *nih*-.
Для языков со свободными местоимениями наличие падежей или ролевых/падежных местоимений не столь обязательно. Например, не зависит от роли/падежа форма свободных местоимений в бразильских языках канганг (семья же [Pronominal systems, 1986]), пираха (семья мура [Handbook of Amazonian languages, 1986]). Часто в языках, где есть и свободные, и связанные местоимения, первые не различают ролей/падежей, а вторые различают (например, в навахо). Для языков, где имена не различаются по падежам, характерно наличие ролевых/падежных форм местоимений. Такая ситуация сложилась в ряде

индоевропейских языков (например, в английском), утративших именное склонение. Аналогично положение в большинстве африканских языков, не имеющих падежей, но различающих хотя бы по две серии местоимений. Так, подлежащая и объектная серии есть в лйеле. В некоторых чадских языках имеются целые наборы супплетивных серий местоимений.

6.2. В языках разных ареалов чрезвычайно распространены местоимения, маркирующие те или иные прагматические характеристики, в особенности так называемые эмфатические местоимения. За этим термином может стоять очень разное функциональное содержание. Во-первых, в языках, в норме использующих лишь связанные местоимения, свободные местоимения обычно являются "эмфатическими" (контрастивными, см. выше). Во-вторых, во многих языках существуют специальные серии личных местоимений, используемые в тех или иных специфических условиях — при контрастивности, в качестве вынесенного топика в расщепленной (cleft) конструкции, при ответе на вопрос и т.д. Как правило, по описанию невозможно точно понять, каковы границы употребления эмфатических местоимений. Часто эмфатические местоимения выражают несколько "эмфатических функций". Так, в следующем предложении в темне (западноатлантическая семья, Гвинея-Бисау [Pronominal systems, 1986], статья Л. Шварц) одно и то же эмфатическое местоимение имеет два вхождения — топикальное и контрастивное:

(12) *mine mine der*
что-касается-меня, именно-я пришел.

Иногда в эмфатических функциях выступает та или иная ролевая/падежная серия, например прямообъектная в сурсурунга. Эмфатичность может выражаться при личных местоимениях агглютинативно, в виде особой морфемы, как в лйеле, а может фузионно, как в годиз, фула. Наиболее характерны эмфатические местоимения для Африки.

Иногда встречается особое выражение входящего в предикацию анафорического местоименного следа от вынесенного топика. Так, в мундани [там же, 131—165] именно эта функция зарезервирована за классными местоимениями, в то время как бесклассные местоимения 3-го лица выступают в других анафорических позициях.

6.3. В ряде языков отмечены местоимения, склеивающиеся с глагольными категориями. В языке караха (семья макро-же, Бразилия [там же, 370]) отмечается полная фузия местоимений с такими типично глагольными категориями, как вид, переходность и направленность движения (ингрессив/эгрессив). Слитные показатели префиксируются к глаголу. Системы такого типа, со связанными местоимениями, не вызывают особого удивления: нетрудно представить, как они могли возникнуть. Значительно труднее объяснить системы свободных местоимений, различающих время, вид, модальность и т.п. Такого рода явления не столь уж редки. В херенте (семья же, Бразилия [там же, 366]) свободные номинативные местоимения объединяются в одно слово с маркерами засвидетельствованности (реалис/ирреалис/выведенное знание/ непосредственно наблюдаемое знание), вида,

интенсивности действия. В чадских языках личные местоимения соединены с категорией вида. В дуру местоимения различаются по виду/наклонению, зависимости/независимости данной предикации, времени. В сурсурунга номинативные местоимения агглютинативно выражают время/наклонение.

6.4. В некоторых языках встречается фузионное выражение нескольких местоимений. В языках со связанными местоимениями лицо—число актантов более чем одноместных глаголов часто выражается синкретически. Так обстоит дело, например, в ирокезских языках, в австралийских языках нганди [Heath, 1978] и нунгубую [Switch-reference and universal grammar, 1983]. Для каждого сочетания лица—числа—класса агенса и лица—числа—класса пациенса существует особый, в общем случае, показатель.

В языке яуре (семья манде, Кот д'Ивуар [Pronominal systems, 1986, 191—203]) происходит фузия свободных подлежащего и объектного местоимений. Так, *ā* 'я' + *i* 'тебя' — *mēi* 'мы с тобой'.

7. Местоимения являются таким фрагментом языковой структуры, в котором отражается множество коммуникативных, когнитивных и грамматических аспектов функционирования языка — как языка вообще, так и каждого конкретного языка. С местоимениями непосредственно связано восприятие человеком коммуникативной ситуации, ориентация в пространстве и времени, порождение, структура и понимание дискурса, категоризация действительности, структура частей речи, синтаксические процессы, морфологическая структура слова. Благодаря этому местоимения всегда служат пробным камнем (а часто и камнем преткновения) лингвистических теорий. В настоящее время, когда конкурируют два основных подхода к языку — когнитивный и формально-грамматический, местоимения остаются одним из центральных языковых явлений, ожидающих адекватной интерпретации.